

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин

Молодой выпускник юридического факультета, молодой работник районной прокуратуры, молодой Георгий Константинович Ваганов был с утра в прекрасном настроении. Вчера он получил письмо... Он, трижды молодой, ждал от жизни всего, но этого письма никак не ждал. Была на их курсе Майя Якутина, гордая девушка с точеным лицом. Ваганова ни тогда, на курсе, ни после, ни теперь, когда хотелось мысленно увидеть Майю, не оставляло навязчивое какое-то, досадное сравнение: Майя похожа на деревянную куклу, сделанную большим мастером. Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить, то есть она женщина, как все женщины, но к тому же изящная, как куколка. Георгий Ваганов хотел во всем разобраться, а разбираться тут было нечего: любил он эту Майю Якутину. С их курса ее любили четыре парня; все остались с носом. На последнем курсе Майя вышла замуж за какого-то, как прошла весть, талантливого физика. Все решили: ну да, хорошенькая, да еще и с расчетом. Они все так, хорошенькие-то. Но винить или обижаться на Майю Ваганов не мог: во-первых, никакого права не имел на это, во-вторых... за что же винить? Ваганов всегда знал: Майя ему не чета. Жалко, конечно, но... А может, и не жалко, может, это и к лучшему: получи он Майю, как дар судьбы, он скоро пошел бы с этим даром ни дню. Он бы моментально стал приспособленцем: любой ценой захотел бы остаться в городе, согласился бы на роль какого-нибудь мелкого чиновника... Не привязанный, а повизгивал бы около этой Майи. Нет, что ни делается – все к лучшему, это верно сказано. Так Ваганов успокоил себя, когда понял окончательно, что не видать ему Майи как своих ушей. Тем он и успокоился. То есть ему казалось, что успокоился. Оказывается, в таких делах не успокаиваются. Вчера, когда он получил письмо и понял, что оно от Майи, он сперва глазам своим не поверил. Но письмо было от Майи... У него так заколотилось сердце, что он всерьез подумал: "Вот так, наверно, падают в обморок". И ничуть этого не испугался, только ушел с хозяйской половины дома к себе в горницу. Он читал его, обжигаясь сладостным предчувствием, он его гладил, смотрел на свет, только что не целовал – целовать совестно было, хотя сгоряча такое движение – исцеловать письмо – было. Ваганов вырос в деревне, с суровым отцом и вечно занятой, вечно работающей матерью, ласки почти не знал, стыдился ласки, особенно почему-то поцелуев.

Майя писала, что ее семейная жизнь "дала трещину", что она теперь свободна и хотела бы использовать свой отпуск на то, чтобы хоть немного повидать страну – поездить. В связи с этим спрашивала: "Милый Жора, вспомни нашу старую дружбу, встреть меня на станции и позволь пожить у тебя с неделю – я давно мечтала побывать в тех краях. Можно?" Дальше она еще писала, что у нее была возможность здорово переосмыслить свою жизнь и жизнь вокруг, что она теперь хорошо понимает, например, его, Жоркино, упорство в учебе и то, с какой легкостью он, Жорка, согласился ехать в такую глухомань... "Ну-ну-ну, легче, матушка, легче, – с удовлетворением думал молодой Ваганов. – Подожди пока цыпляток считать".

Вот с этим-то письмом в портфеле и шел сейчас к себе на работу молодой Ваганов. Предстояло или на работе, если удастся, или дома вечером дать ответ Майе. И он искал слова и обороты, какие должны быть в его письме, в письме простом, великодушном, умном. Искал он такие слова, находил, отвергал, снова искал... А сердце нет-нет да подмоет: "Неужели же она моей будет? Ведь ни страну же она, в самом деле, едет повидать, нет же. Нужна ей эта страна, как..."

Целиком занятый решением этой волнующей загадки в своей судьбе, Ваганов прошел в кабинет, сразу достал несколько листов бумаги, приготовился писать письмо. Но тут дверь кабинета медленно, противно заняла... В проем осторожно просунулась стриженная голова мужчины, которого он мельком видел сейчас в коридоре на диване.

– Можно к вам?

Ваганов мгновение помедлил и сказал, не очень стараясь скрыть досаду:

– Входите.

– Здравствуйте. – Мужчине этак под пятьдесят, поджарый, высокий, с длинными

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
рабочими руками, которые он не знал куда девать.

– Садитесь, – велел Ваганов. И отодвинул листы в сторону.

– Я тут... это... характеристику принес, – сказал мужчина. И, обрадовавшись, что нашел дело рукам, озабоченно стал доставать из внутреннего кармана пиджака нечто, что он называл характеристикой.

– Какую характеристику?

– На жену. Они тут на меня дело заводят... А я хочу объяснить...

– Вы Попов?

– Ага.

– А что вы объяснить-то хотите? Вы объясните, почему вы драку затеяли? Почему избili жену и соседа? При чем тут характеристика-то?

Попов уже достал характеристику и стоял с ней посреди кабинета. Когда-то он, наверно, был очень красив. Он и теперь еще красив: чуть скуласт, нос хищно выгнут, лоб высокий, чистый, взгляд прямой, честный... Но, конечно, помят, несвеж, вчера выпил изрядно, с утра кое-как побрился, наспех ополоснулся... Эхма!

– Ну-ка дайте характеристику.

Попов подал два исписанных тетрадных листка, отшагнул от стола опять на середину кабинета и стал ждать. Ваганов побежал глазами по неровным строчкам... Он уже оставил это занятие – веселиться, читая всякого рода объяснения и жалобы простых людей. Как думают, так и пишут, ничуть это не глупее какой-нибудь фальшивой гладкописи, честнее, по крайней мере.

Ваганов дочитал.

– Попов... это ведь не меняет дела.

– Как не меняет?

– Не меняет. Вот вы тут пишете, что она такая-то и такая-то – плохая. Допустим, я вам поверил. Ну и что?

– Как же? – удивился Попов. – Она же меня нарочно посадила! На пятнадцать суток-то. Посадила, а сама тут с этим... Я же знаю. Мне же Колька Королев все рассказал. Да я и без Кольки знаю... Она мне сама говорила.

– Как говорила?

– Говорила! – воскликнул доверчиво Попов. – Тебя, говорит, посажу, а сама тут поживу с Мишкой.

– Да ну... Что, так прямо и говорила?

– Да в том-то и дело! – опять воскликнул Попов. И даже сел, раз уж разговор пошел не официальный, а нормальный, мужской. – Тебя, говорит, посажу, а сама – назло тебе – поживу с Мишкой.

– Она именно "назло" и говорила?

– Да нет! Я же знаю ее!.. И Мишаню этого знаю – сроду от чужого не откажется. Все, что я там написал, я за все головой ручаюсь. Жили, собаки! На другой же день стали жить. Их Колька Королев один раз прихватил...

– Ну, не знаю... – Молодой Ваганов в самом деле не знал, как тут быть: похоже, мужик говорит всю горькую правду. – Тогда уж разводиться, что ли, иадо?

– А куда я пойду – разведусь-то? Она же дом отсудит? Отсудит. Да и это... ребяташки еще не оперились, жалко мне их...

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Сколько у вас?

– Трое. Меньшому только семь, я люблю его до смерти... Мне на стороне не сдюжить –
вовсе сопьюсь.

– Ну слушайте!.. – с раздражением сказал Ваганов. – Вы уж прямо как... паралитик
какой: "не сдюжу", "сопьюсь". Ну а как быть-то? Ну представьте себе, что вы вот
не с жалобой пришли, не к начальству, а... к товарищу. Вот я вам товарищ, и я не
знаю, что посоветовать. Сможешь с ней жить после этого – живи, не сможешь...

– Смогу, – твердо сказал Попов. – Черт с ней, что она хвостом раз-другой
вильнула. Только пусть это больше не повторяется. Я сам виноватый: шумлю много,
не шибко ласковый... Если б был маленько поласковей, она, может, не додумалась бы
до этого.

– Так живи!

– Живи... Они же посадить хотят. И посадят, у их свидетелей полно, медицинские
экспертизы обои прошли... Года три впаяют.

– Что же ты хочешь-то, я не пойму?

– Чтоб они закрыли дело.

– А характеристика-то зачем?

– А чтоб навстречу тоже бумаги двинуть. Может, посмотрят, какие они сами-то
хорошие, и закроют дело. Они же сами кругом виноватые! Ты гляди-ка, посадить
человека, а самой тут... Ну, не зараза она после этого!

– Здорово избил-то?

– Да где здорово! Шуму больше, крику...

– А без битья уж не мог?

Попов виновато опустил голову, погладил широкой коричневой ладонью свое колено.

– Не сдюжил...

– Опять не сдюжил! Ах ты, какие мы несдюжливые! – Ваганов встал из-за стола,
прошелся по кабинету. Зло брало на мужика, и жалко его было. Причем тот
нисколько не бил на жалость, это Ваганов даже при своем небольшом еще опыте
научился различать: когда нарочно стараются разжалобить, и делают это иногда
довольно искусно. – Ведь если б ты сдюжил и спокойно подал на развод, то еще
посмотрели бы, как вас рассудить: возможно, что и... Впрочем, что же теперь об
этом?

– Да, чего уж, – согласился Попов.

Некоторое время они молчали.

"Ну что вот делать? – думал Ваганов. – Посадят ведь дурака. Как ни веди дело, а...
Эхма!"

– Как вы поженились-то?

– Как?... Обыкновенно. Я с войны пришел, она тут продавцом в сельпе работала... Ну
сошлись. Я ее и раньше знал.

– Вы здешний?

– Здешний. Только у меня родных тут никого не осталось: мать с отцом ишо до
войны померли – угорели, старших братьев обоих на войне убило, две тетки были,
тоже померли. Племянники, какие были, в городах где-то, я даже не знаю где.

– А жена где сейчас?

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Попов вопросительно посмотрел на следователя.

- Где работает, что ли? Там же, в сельпе.
- На работе сейчас?
- На работе.
- Тебя кто научил с характеристикой-то?
- Никто, сам. Нет, говорили мужики, надо, мол, навстречу бумаги какие-нибудь двинуть... Я подумал... чего двинуть? Написал вот...
- Хорошо, оставь ее мне. Иди. Я попробую с женой поговорить.

Попов поднялся... Хотел что-то еще сказать или спросить, но только посмотрел на Ваганова, кивнул послушно головой и осторожно вышел.

Ваганов, оставшись один, долго стоял, смотрел на дверь. Потом сел, посмотрел на белые листы бумаги, которые он заготовил для письма. Спросил:

- Ну что, Майя? Что будем делать? - Подождал, что под сердцем шевельнется нежность и окатит горячим, но горячим почему-то не окатило. - Фу ты, черт? - с досадой сказал Ваганов. И дальше додумал: - "Вечером напишу".

Уборщица прокуратуры ходила за Поповой в сельпо - это было рядом.

Ваганов просмотрел пока "бумаги", обвиняющие Попова. Да, люди вели дело к тому, чтоб мужика непременно посадить. И как бойко, как грамотно все расписано! Нашелся и писарь. Ваганов пододвинул к себе "характеристику" Попова, еще раз прочитал. Смешной и грустный человеческий документ... Это, собственно, не характеристика, а правдивое изложение случившегося. "Пришел я, бритый, она лежит, как удав на перине. Ну, говорю, рассказывай, как ты тут без меня опять скурвилась? Она видит, дело плохо, давай базланить. Я ее жогнул разок: ты можешь потише, мол? Она вырвалась и - не куда-нибудь побежала, не к родным - к Мишке опять же дунула. Тут у меня вовсе сердце зашло, я не сдюжил..."

Попова, миловидная еще женщина лет сорока, не робкая, с замашками продавцовской фамильярности, сразу показала, что она закон знает: закон охраняет ее.

- Вы представляете, товарищ Ваганов, житья нет: как выпьет, так начинает хулиганить. К какому-то Мишке меня приревновал!.. Дурак необтесанный.
- Да, да... - Ваганов подхватил фамильярный той бойкой женщины и поманил ее дальше. - Безобразник. Что, он не знает, что сейчас за это строго! Забыл.
- Он все на свете забыл! Ничего - спомнит. Дадут года три - спомнит, будет время.
- Дети вот только... без отца-то - ничего?
- А что? Они уж теперь большие. Да потом такого отца иметь - лучше не иметь.
- Он всегда был такой?
- Какой?
- Ну, хулиганил, дрался?..
- Нет, раньше выпивал, но потише был. Это тут - к Михаиле-то приревновал... С прошлого года начал. Да еще грозит! Грозит, Георгий Константиныч: прирежу, говорит, обоих.
- Так, так. А кто такой этот Михайло-то?
- Да сосед наш, господи! В прошлом годе приехали... Шофером в сельпо работат.
- Он что, одинокий?

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да они так: переехать-то сюда переехали, а там дом тоже не продали. Жене его тут не глянется, а Михайле глянется. Он рыбак заядлый, а тут у нас рыбачить-то хорошо. Вот они на два дома и живут. И там огород посажен, и здесь... Вот она и успевает-ездит, жена-то его: там огород содьярживат и здесь, жадничат в основном.

– Так, так... – Ваганов вовсе убедился, что прав Попов: изменяет ему жена. Да еще и нагло, с потерей совести. – Вот он тут пишет, что дескать, вы ему прямо сказали: "Тебя посажу, а сама тут с Мишкой пожи ву". – В "характеристике" не было этого, но Ваганов вспомнил слова Попова и сделал вид, что прочитал. – Было такое?

– Это он так написал?! – громко возмутилась Попова. – Нахалюга! Надо же!.. Женщина даже посмеялась. – Ну надо же!

– Врет?

– Врет!

"Да, уверенная бабочка, – со злостью уже думал Ваганов. – Ну нет, так просто я вам мужика не отдам".

– Значит, сажать?

– Надо сажать, Георгий Константиныч, ничего не сделаешь. Пусть посидит.

– А не жалко? – невольно вырвалось у Ваганова.

Попова насторожилась... Вопросительно посмотрела на молодого следователя, улыбнулась заискивающе.

– В каком смысле? – спросила она.

– Да я так, – уклонился Ваганов. – Идите. – Он пристально посмотрел на женщину.

Женщина сказала "ага", поднялась, прошла к двери, обернулась озабоченная... Ваганов все смотрел на нее.

– Я забыл спросить: почему у вас так поздно дети появились?

Женщина вовсе растерялась. Не от вопроса этого, а от того, как на ее глазах изменился следователь: тон его, взгляд его... От растерянности она пошла опять к столу и села на стул, где только что сидела.

– А не беременела, – сказала она. – Что-то не беременела, и все. А потом забеременела. А что?

– Ничего, идите, – еще раз сказал Ваганов. И положил руку на "бумаги". – Во всем... – он подчеркнул это "во всем", – во всем тщательно разберемся. Суд, возможно, будет показательный, строгий: кто виноват, тот и ответит. До свидания.

Женщина направилась к выходу... Уходила она не так уверенно, как вошла.

– Да, – вспомнил еще следователь, – а кто такой... – он сделал вид, что искал в "бумаге" Попова забытое имя свидетеля, хоть там этого имени тоже не было, – кто такой Николай Королев?

– Господи! – воскликнула женщина у двери. – Королев-то? Да собутыльник первый моего-то, кто ему поверит-то! – Женщина была сбита с толку. Она даже в голосе поддала.

– Он что, зарегистрирован как алкоголик? Королев-то?

Женщина хотела опять вернуться к столу и рассказать подробно про королева: видно, и она понимала, что это наиболее уязвимое место в ее наступательной позиции.

– Да кто у нас их тут регистрирует-то, товарищ Ваганов! Они просто дружки с

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
моим-то, вместе на войне были...

– Ну хорошо, идите. Во всем разберемся.

Он наткнулся взглядом на белые листы бумаги, которые ждали его... Задумался, глядя на эти листы. Майя... Далекое имя, весеннее имя, прекрасное имя... Можно и начинать наконец писать слова красивые, сердечные – одно за одним, одно за одним – много! Все утро сегодня сладостно зудилось: вот сядет он писать... И будет он эти красивые, оперенные слова пускать, точно легкие стрелы с тетивы – и втыкать, и втыкать их в точеную фигурку далекой Майи. Он их навтыкает столько, что Майя вскрикнет от неминуемой любви... Пробьет он ее деревянное сердечко, думал Ваганов, достанет где живое, способное любить просто так, без расчета. Но вот теперь вдруг ясно и просто думалось: "А может, она так? Способна она так любить?" Ведь если спокойно и трезво подумать, надо спокойно и трезво же ответить себе: вряд ли. Не так росла, не так воспитана, не к такой жизни привыкла... Вообще не сможет, и все. Вся эта история с талантливым физиком... Черт ее знает, конечно! С другой стороны, объективности ради, надо бы больше знать про все это – и про физика, и как у них все началось, и как кончилось. "Э-х, – с досадой подумал про себя Ваганов, – повело тебя, милый: заегозил. Что случилось-то? Прошла перед глазами еще одна bestолковая история неумелой жизни... Ну? Мало ли их прошло уже и сколько еще пройдет! Что же, каждую примерять к себе, что ли? Да и почему – что за чушь! – почему какой-то мужик, чувствующий только свою беззащитность, и его жена, обнаглевшая, бессовестная, чувствующая, в отличие от мужа, полную свою защищенность, почему именно они, со своей житейской неумностью, должны подсказать, как ему решить теперь такое – т а к о е! – в своей не простой, не маленькой, как хотелось и думалось, жизни?" Но вышло, что именно после истории Поповых у Ваганова пропало желание "обстреливать" далекую Майю. Утренняя ясность и взволнованность потускнели. Точно камнем в окно бросили – все внутри встревожилось, сжалось... "Вечером напишу, – решил Ваганов. – Дурацкое дело – наверно по молодости – работу мешать с личным настроением. Надо отмежеваться. Надо проще".

Вечером Ваганов закрылся в горнице, выключил радио и сел за стол писать. Но неотвязно опять стояли перед глазами виноватый Попов и его бойкая жена. Как проклятие, как начало помешательства... Ваганов уж и ругал себя обидными словами, и рассуждал спокойно, логично... Нет! Стоят, и все, в глазах эти люди. Даже не они сами, хоть именно их Ваганов все время помнил, но не они сами, а то, что они выложили перед ним, – вот что спутало мысли и чувства. "Ну хорошо, – вконец обозлился на себя Ваганов, – если уж ты трус, то так и скажи себе трезво. Ведь вот же что произошло: эта Попова непостижимым каким-то образом укрепила тебя в потаенной мысли, что и Майя такая же, в сущности, профессиональная потребительница, эгоистка, только одна действует тупо, просто, а другая умеет и имеет к тому неизмеримо больше. Но это-то и хуже – мучительнее убьет. Ведь вот же что ты здесь почуял, какую опасность. Тогда уж так прямо и скажи: "Все они одинаковы!" – и ставь точку, не начав письма. И трусь, и рассуждай дальше – так безопаснее. Крючок конторский".

Ваганов долго сидел неподвижно за столом... Он не шутя страдал. Он опять придвинул к себе лист бумаги, посидел еще... Нет, не поднимается рука писать, нету в душе желанной свободы. Нет уверенности, что это не глупость, а есть там тоже, наверно, врожденная, трусость: как бы чего не вышло! Вот же куда все уперлось, если уж честно-то, если уж трезво-то. "Плебей, сын плебея! Ну ошибись, наломай дров... Если уж пробивать эту толщу жизни, то не на карачках же! Не отнимай у себя трезвого понимания всего, не строй иллюзий, но уже и так-то во всем копать... это же тоже пакость, мелкость. Куда же шагать с такой нищей сумой! Давай будем писать. Будем писать не поэму, не стрелы будем пускать в далекую Майю, а скажем ей так: что привезешь, голубушка, то и получишь. Давай так".

...Часам к четырем утра Ваганов закончил большое письмо. На улице было уже светло. В открытое окно тянуло холодком раннего июньского утра. Ваганов прислонился плечом к оконному косяку, закурил. Он устал от письма. Он начинал его раз двенадцать, рвал листы, изнервничался, испсиховался и очень устал. Так устал, что теперь неохота было перечитывать письмо. Не столько неохота, сколько, пожалуй, боязно: никакой там ясности, кажется, нету, ума особого тоже. Ваганов все время чувствовал это, пока писал, все время чувствовал, что больше кокетничает, чем... Он вчистую докурил сигарету, сел к столу и стал читать письмо.

"Майя! Твое письмо так встревожило меня, что вот уже второй день я хожу сам не

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru свой: весь в мыслях. Я спрашиваю себя: что это? И не могу ответить. Теперь я спрашиваю тебя: что это. Майя? Пожить у меня неделю – ради бога! Но это же и есть то, о чем я спрашиваю: что это? Ты же знаешь мое к тебе отношение... Оно, как подсказывает мне дурное мое сердце, осталось по-прежнему таким, каким было тогда: я люблю тебя. И именно это обстоятельство дает мне право спрашивать и говорить то, что я думаю о тебе. И о себе тоже. Майя, это что, бегство от себя? Ну что же... приезжай, поживи. Но тогда куда мне бежать от себя? Мне некуда. А убежать захочется, я это знаю. Поэтому я еще раз спрашиваю (как на допросе!): что это. Майя? Умоляю тебя, напиши мне еще одно письмо, коротенькое, ответь на вопрос: что это, Майя?" Так начал Ваганов свое длинное письмо... Он отодвинул его, склонился на руки. Почувствовал, что у него даже заболело сердце от собственной глупости и беспомощности. "Попугай! Что это, Майя? Что это, Майя? Тьфу!.. Слизняк". Это, правда, было как горе – эта неопределенность. Это впервые в жизни Ваганов так раскорячился... "Господи, да что же делать-то? Что делать?" Повспомнил Ваганов, кто бы мог посоветовать ему что-нибудь – он готов был и на это пойти, – никого не вспомнил, никого не было здесь, кому бы он не постыдился рассказать о своих мучениях и кому поверил бы. А вспомнил он только... Попова, его честный, прямой взгляд, его умный лоб... А что? "А что, Майя? – съязвил он еще раз со злостью. – Это ничего, Майя. Просто я слизняк, Майя".

Он скомкал письмо в тугой комок и выбросил его через окно в огород. И лег на кровать, и крепко зажмурил глаза, как в детстве, когда хотелось, чтобы какая-нибудь неприятность скорей бы забылась и прошла.

Утром, шагая на работу, Ваганов чувствовал большую усталость..В пустой голове проворачивался и проворачивался неведь откуда влетевший мотивчик: "А я играю на гармошке у прохожих на виду-у..." С письмом Ваганов решил подождать. Пусть придет определенность, пусть сперва станет самому ясно: способен он сам-то на что-нибудь или он выдумал себя такогоумного, деятельного, а другие, как дурачка, подогрели его в этом. Вот пусть это станет ясно до конца – пусть больше не будет никаких иллюзий, никакого обмана на свой счет. Пока ясно одно: он любит Майю и боится сближения с ней. Боится ответственности, несвободы, боится, что не будет с ней сильным и деятельным и его будущее накроется. "Вот теперь поглядим, как ты вывернешься, деятельный, – думал он про себя с искренней злостью. – Подождем и посмотрим".

Работу он начал с того, что послал за Поповым. Попов пришел скоро, опять осторожно заглянул в дверь.

– Входи! – Ваганов вышел из-за стола, пожал руку Попову, усадил его на стул. Сам сел рядом.

– Как твое имя?

– Павел.

– Ну, как там?.. Дома-то?

Попов молчал... Посмотрел серыми своими глазами на следователя. Какие все же удивительные у него глаза: не то доверчивые сверх меры, не то мудрые. Как у ребенка ясные, но ведь видели же эти глаза и смерть, и горе человеческое, и сам он страдал много... Не это ли и есть сила-то человеческая – вот такая терпеливая и безответная? И не есть ли все остальное – хамство, рвачество и жестокость?

– Ничего вроде... А что? – спросил Попов.

– Не говорил с женой?

– Мы с ей неделю уж не разговариваем.

– Не заметил в ней никаких перемен?

– Заметил. – Попов усмехнулся, – Вчера вечером долго на меня смотрела, потом говорит: "Был у следователя?" – "Был, – говорю. – А что, тебе одной только бегать туда?"

– А она что?

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ничего больше. Молчит. И я молчу.

– Возьмут они свои заявления назад, – сказал Ваганов. – Еще разок вызову, может, не раз даже... Думаю, что возьмут.

– Хорошо бы, – просто сказал Попов. – Неохота сидеть, ну ее к черту. Немолодой уже...

– Павел, – в раздумье начал Ваганов про то главное, что томило, – хочу с тобой посоветоваться... – Ваганов прислушался к себе: не совестно ли, как мальчишке, просить совета у дяди? Не смешон ли он? Нет, не совестно и вроде не смешон. Что уж тут смешного! – Есть у меня женщина, Павел... Нет, не так. Есть на свете одна женщина, я ее люблю. Она была замужем, сейчас разошлась с мужем и дает мне понять... – Вот теперь только почувствовал Ваганов легкое смущение – оттого, что бестолково начал. – Словом, так: люблю эту женщину, а связываться с ней боюсь.

– Чего так? – спросил Попов.

– Да боюсь, что она такая же... вроде твоей жены. Пропаду, боюсь, с ней. Это ж на нее только и надо будет работать: чтоб ей интересно жить было, весело, разнообразно... Ну, в общем, все мои замыслы побоку, а только ублажай ее.

– Ну-у, как же это так? – засомневался Попов. – Надо, чтоб жизнь была дружная, чтоб все вместе: горе – горе, радость тоже...

– Да постой, это я знаю – как нужно-то! Это все знаю.

– А что же?

У Ваганова пропала охота разговаривать дальше. И досадно стало на кого-то.

– Я знаю, как надо. Как должны жить люди, это все знают. А вот как быть, если я знаю, что люблю ее, и знаю, что она... никогда мне другом настоящим не будет? Твоя жена тебе друг?

– Да моя-то!..

– А что "моя-то"? Люди все одинаковы, все хотят жить хорошо... Разве тебе не нужен был друг в жизни?

– Я так скажу, товарищ Ваганов, – понял наконец Попов. – С той стороны, с женской, оттуда ждать нечего. Это обман сплошной. Я тоже думал об этом же... Почему же, мол, люди жить-то не умеют? Ведь ты погляди: что ни семья, то разлад. Что ни семья, то какой-нибудь да раскосяк. Почему же так? А потому, что нечего ждать от бабы... Баба, она и есть баба.

– На кой же черт мы тогда женимся? – спросил Ваганов, удивленный такой закоренелой философией.

– Это другой вопрос. – Попов говорил свободно, убежденно – правда, наверное, думал об этом. – Семья человеку нужна; это уж как ни крутись. Вез семьи ты пустой нуль. Чего же тогда мы детей так любим? А потому и любим, что была сила – терпеть все женские выходы.

– Но есть же... нормальные семьи!

– Да где?! Притворяются. Сор из избы не выносят. А сами втихаря... бушуют.

– Ну, елки зеленые! – все больше изумлялся Ваганов. – Это уж совсем... мрак какой-то. Как же жить-то?

– Так и жить: укрепиться и жить. И не заниматься самообманом. Какой же она друг, вы что? Спасибо, хоть детей рожают... И обижаться на их за это не надо – раз они так сделаны. Чего обижаться? – В правде своей Попов был тверд, спокоен. Когда понял, что Ваганов такой именно правды и хочет – всей, полной, – он ее и выложил. И смотрел на молодого человека мирно, даже весело, не волновался.

– Так, так, – проговорил Ваганов. – Ну нет, Попов, это в тебе горе твое говорит,
Страница 8

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
неудача твоя. Это все же не так все..

Попов пожал плечами.

– Вы меня спросили – я сказал, как думаю.

– Это верно, верно. Я не спорю. Спорить тут надо целой жизнью, а так... это...

– Конечно. Каждый так и живет – с самого начала. Скажи мне тогда: "Не женись, мол, Пашка, ошибесся". Что я на это? Послал бы подальше этого советчика и делал свое дело. Так оно и бывает.

– Да-да, – согласился Ваганов. – Это верно. Ну хорошо. – Он встал. Попов тоже встал. – До свидания, Павел. Думаю, что они возьмут свои заявления. Только ты уж...

– Да нет, что вы, товарищ Ваганов! – заверил Попов. – Больше этого не повторится, даю слово. Глупость это.. Чего из их выколачивать-то? Пусть им самим совестно станет. А то мне же и совестно – нашумел... Хожу, клязузами занимаюсь, рази ж не совестно?

– Ну до свидания.

– До свидания.

Только за Поповым закрылась дверь, Ваганов сел к столу – писать. Он еще во время разговора с Поповым решил дать Майе такую телеграмму:

"Приезжай. Палат нету – все мое ношу собой. Встречу. Георгий".

Он записал так... Прочитал. Посвистел над этими умными словами все тот же мотив: "Я играю на гармошке..." Аккуратно разорвал лист, собрал клочочки в ладонь и пошел и бросил их в корзину. Постоял над корзиной... Совершенный тупой покой наступил в душе. Ни злости уже не было, ни досады. Но и работать он бы не смог в этот день. Он подошел к столу и размашисто, но весь лист, написал:

"Нездоровится. Пошел домой".

Видеть кого-то из сослуживцев и говорить о чем-то – это тоже сегодня не по силам.

Он пошел домой. Дорогой негромко пел:

А я играю на гармошке

У прохожих на виду-у.

К сожаленью, день рожденья –

Только ра-аз в го-оду-у.

День стоял славнецкий – не жаркий, а душистый, теплый. Еще не пахло пылью, еще лето только вступало в зрелую пору свою. Еще молодые зеленые силы гнали и гнали из земли ядреный сок жизни: все цвело вокруг, или начинало цвести, или только что отцветало, и там, где завяли цветки, завязались пухлые живые комочки – будущие плоды. Благодатная, милая пора! Еще даже не грустно, что день стал убывать, еще этот день впереди.

Ваганов свернул к почте. Зашел. Взял в окошечке бланк телеграммы, присел к обшарпанному, заляпанному чернилами столику, с краешку, написал адрес Майи... Несколько повисел перышком над линией, где следовало писать текст... И написал: "Приезжай".

И уставился в это айкающее слово... Долго и внимательно смотрел. Потом смял бланк и бросил в корзину.

– Что, раздумали? – спросила женщина в окошечке.

– Адрес забыл, – соврал Ваганов. И вышел на улицу. Пошел теперь твердо домой.

"И врать ведь как научился! – подумал о себе, как о ком-то отчужденно. – Глазом не моргнул".

Страдания молодого Ваганова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

И сеном еще с полей не пахло, еще не начинали косить.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!